

ЖИВЫЯ ДУШИ.

ОЧЕРКЪ

нравственныхъ силъ современной Россіи ¹⁾.

Описанныя мною въ предшествующихъ очеркахъ христіанскіе дѣятели развиваютъ дѣятельность, имѣющую видъ лично-христіанской благотворительности, подвига служенія ближнему, принесенія личной жизни на алтарь человѣческихъ страданій и нуждъ. Далѣе, съ слѣдующаго очерка, я опишу другой видъ христіанской жизни и дѣятельности—устройство живой христіанской общины, общежитіе людей, ищущихъ правды.

Въ описаніяхъ перваго типа христіанской дѣятельности я ограничиваюсь изображенными выше лицами и учрежденіями, потому что считаю достаточно обрисовавшимся этотъ типъ въ его наиболѣе яркихъ представителяхъ, но это не значитъ, что этими немногими представителями исчерпывается дѣйствительное число дѣлателей этого вида. Я хочу указать читателямъ, *какіе* бываютъ живые люди, совершающіе и въ наши дни свои тихіе подвиги, но я не беру на себя задачи перечислить *всѣхъ*, *сколько* такихъ дѣлателей знаетъ сама дѣйствительность. Ихъ больше, гораздо больше, чѣмъ сколько названо выше. Говорю это не въ смыслѣ безпочвеннаго предположенія, а на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи свѣдѣній.

Такъ я могъ бы указать на Пюхтицкіѣ Успенскій жен-

¹⁾ Продолженіе. См. Богослов. Вѣстникъ, Мартъ.

скій монастырь ¹⁾. Онъ находится въ Эстляндской губ., Везенбергскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 25 отъ станціи Іевве Балтійской ж. д., въ двухъ верстахъ отъ деревушки Пюхтица, на Богородицкой горѣ; существуетъ съ 15 августа 1891 года. При монастырѣ находятся: Пюхтицкое двухклассное приходское училище съ интернатомъ; Овсовская вспомогательная школа; бесплатная народная библіотека; пріютъ, въ которомъ за отчетный годъ 1 августа 1903 г.—1 августа 1904 года находилось 18 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ; больница и лазаретъ. Близкое участіе въ благотворительныхъ учрежденіяхъ монастыря принимаетъ княгиня Е. Д. Шаховская, супруга бывшаго эстляндскаго губернатора кн. С. В. Шаховскаго, погребеннаго въ монастырѣ...

Я могъ бы назвать далѣе Переславскій Феодоровскій монастырь ²⁾, существующій съ XVI столѣтія, а какъ женскій съ 1667 года; находится верстахъ въ 4 отъ Переслава, на берегу озера. Благотворительно-трудовая дѣятельность монастыря особенно развилась при нынѣ управляющей монастыремъ игуменіи Евгеніи (съ 1875 года). При монастырѣ (и его трехъ пустынкахъ) находятся 4 церковно-приходскія школы и воспитывается нѣсколько маленькихъ безпріютныхъ сиротъ дѣвочекъ. Монастырь славится рукодѣліями. Монастырскія сестры—а ихъ до 400—ткутъ полотна, выдѣлываютъ половики и ковры, шьютъ гладью и золотомъ, вышиваютъ хоругви и иконы, дѣлаютъ всевозможные цвѣты и модели, шьютъ ризы, бѣлье и обувь, дѣлаютъ мыло, вырабатываютъ кирпичи и горшки разныхъ фасоновъ, сами составляютъ краски, красятъ и бѣлятъ, книги переплетаютъ; не желающія заниматься рукодѣліемъ сестры исполняютъ для монастыря земледѣльческія работы. Монастырь поражаетъ посѣтителя работоспособностью и неутомимостью сестеръ.

Я могъ бы назвать Печенгскій монастырь Архангельской

¹⁾ Краткія свѣдѣнія въ Церк. Вѣд. 1893 г. № 17 и 1901 г. № 43; подробныя въ брош. *Сказаніе о почитаемой чудотворной Пюхтицкой иконѣ Успенія Божіей Матери*. Ревель 1902 (на рус. и эстонскомъ языкахъ). Я имѣлъ подъ руками также Отчеты Іевенскаго отдѣленія Прибалтійскаго Православнаго Братства за нѣсколько лѣтъ, кончая отчетомъ за время съ 1 августа 1903 г. по 1 августа 1904 года.

²⁾ См. брош. Протоіерея А. Свирѣлина *Переславскій Феодоровскій женскій монастырь* Владим. 1903 г.

губерніи, на Мурманскомъ берегу. Это монастырь въ высшей степени примѣчательный. Не знаю, существуютъ ли о немъ печатныя свѣдѣнія. Основанный въ тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ, монастырь, подъ руководствомъ энергичнаго архимандрита, развернулъ довольно широкую культурную дѣятельность, приходя съ этой стороны на помощь мѣстному населенію. Монастырь, напримѣръ, видя безысходную нужду какого нибудь жалкаго лопаря, даетъ ему корову, которая и остается у него до того времени, пока она съ голоду и холоду не сдѣлается бесполезною, тогда монастырь отбираетъ ее, снова выхаживаетъ...

Можно было бы назвать и многихъ одиночекъ. Напр. известная сестра Варвара ¹⁾. Потерявъ двухъ мужей, она жила въ Киевскомъ Покровскомъ монастырѣ подъ руководствомъ Великой Княгини, затѣмъ работала въ Петербургскомъ Обществѣ ревнителей „Вѣры и Милосердія“, наконецъ въ 1897 году поселилась въ деревнѣ Любани Новгор. губ. и посвятила себя на службу босякамъ, которыхъ выбрасываетъ въ обиліи Петербургъ. Она открыла для нихъ даровую столовую. помогаетъ имъ платьемъ и обувью, лѣчитъ больныхъ, утѣшаетъ кающихся у подножія креста, читаетъ имъ евангеліе, бесѣдуетъ съ ними, устраиваетъ общія молитвы съ пѣніемъ. Она глубоко чувствуетъ бѣдственное положеніе этихъ людей съ „проходнымъ билетомъ“, выброшенныхъ изъ Петербурга и не терпимыхъ въ деревнѣ. „Эти несчастные, говоритъ она, отверженные люди—для всѣхъ лишніе, они всѣмъ мѣшаютъ. У нихъ есть только одинъ выходъ изъ этого положенія—попасть въ каторгу... Такъ неужели мы должны навсегда отвернуться отъ этихъ горемыкъ? Неужели мы должны забыть, что и они носятъ образъ Божій? Развѣ нѣтъ у нихъ сердца, души и чувства? развѣ глаза ихъ не плачутъ? развѣ тѣло ихъ не страдаетъ отъ холода и желудка не проситъ пищи?.. А какіе они жалкіе, грязные, иззябшіе, голодные, несчастные. Зимой подойдутъ къ двери, жмутся, вздрагиваютъ въ своихъ лохмотьяхъ, переступаютъ съ ноги на ногу въ опорахъ, въ рваныхъ валенкахъ, въ башмакахъ, въ лаптяхъ... О, Боже мой, думаешь, вѣдь это же люди, люди! Вѣдь Ты ихъ всѣхъ одинаково искупилъ

¹⁾ О ней напр. Душ. Чт. 1901, I, 361 слѣд.

своимъ страданіемъ,—какъ я осмѣлюсь судить ихъ бѣдныхъ? Вѣдь это Твои „малые“, которые и просятъ-то такъ немного... Въ это время, кажется, чего бы имъ не отдала“... Много приходится сестрѣ Варварѣ переживать угрожающихъ исторій съ этими босяками, которые не всегда бываютъ ласковы и нѣжны...

Изъ недалекаго прошлаго было бы преступленіемъ не вспомнить на этихъ страницахъ „святого“ доктора Гааза (1780—1853). Ему посвящена роскошно изданная и художественно составленная книга А. Ѳ. Кони... Этотъ иностранецъ, пріѣхавъ въ молодости въ Россію, навсегда остался въ ней и посвятилъ всего себя мученикамъ русской тюрьмы. Онъ старался облегчить имъ жизнь, удалить отъ нихъ ненужныя страданія, уменьшить неизбѣжныя, принести возможное утѣшеніе преступникамъ, смягчить страданія больныхъ, возродить и поддержать въ каждомъ изъ нихъ *человѣка*. Что онъ дѣлалъ для борьбы съ жестокой заковкой пересыльных, съ дурнымъ содержаніемъ тюремныхъ зданій и т. д.—все это трудно пересказать въ немногихъ строкахъ. Онъ работалъ неустанно, сносился съ сильными міра сего, падалъ предъ ними на колѣна, проливалъ слезы, вымаливалъ у богатыхъ, убѣждалъ, жаловался, угрожалъ, терпѣлъ обиды, оскорбленія... Посѣщая нѣсколько разъ каждую партію пересыльных, онъ привозилъ имъ провизію, спрашивалъ ихъ о нуждахъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней узнавалъ каждого изъ нихъ, при прощаніи цѣловался съ ними, провожалъ ихъ пѣшкомъ за нѣсколько верстъ отъ Москвы. Посѣщая больныхъ арестантовъ, онъ садился на край кровати больного, вступалъ съ нимъ въ бесѣду, нерѣдко цѣловалъ больныхъ, приносилъ имъ крендели и лакомства, на Пасху христосовался со всѣми. Онъ любилъ дѣлать пожертвованія на тюрьмы „отъ неизвѣстной благотворительной особы“, бѣднымъ больнымъ на дому вмѣстѣ съ рецептомъ раздавалъ кредитки. Отъ большого состоянія, которое онъ нажилъ въ первые годы своей врачебной практики въ Москвѣ, ко дню его смерти ничего не осталось и его пришлось хоронить на городской счетъ. „Самый вѣрный путь къ счастью, писалъ Гаазъ своему воспитаннику Норшину, не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми. Для этого нужно внимать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не

бояться труда, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, словомъ, *любить* ихъ, при чемъ, чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно тому, какъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрерывно находится въ дѣйствиіи. По такому правилу жилъ самъ Гаазъ.

Предо мною встаетъ цѣлый рядъ дѣятелей въ этомъ родѣ. Въ этой галлерей живыхъ душъ встрѣчаются имена изъ всѣхъ слоевъ общества и положенія—и титулованныя особы, и купцы, и сельскія учительницы и семинаристъ-учитель...

Думаю, что изъ представленныхъ описаній, которыми я ограничился, для читателя ясно, что такое живая душа. Живыя души—носители христіанской любви. Чтобы достигнуть *жизни* на этомъ пути, нужно отдаться любви всецѣло, не оглядываясь назадъ, нужно видѣть счастье въ дѣлахъ любви, нужно, чтобы любовь къ ближнему вдохновляла человека, окрыляла его. Кто считаетъ добрыя дѣла ариѳметически, кто говоритъ: вотъ это отдамъ, а это себѣ,—кто оцѣниваетъ доброе дѣло юридически и ждетъ за него награды, тотъ не понимаетъ, что значить жить любовью. Христіанская любовь не понятна въ качествѣ долга, обязательства,—она понятна лишь въ качествѣ вдохновенія. Долгъ для раба, а въ царствѣ Христа—свободные. Вдохновеніе любви даетъ всецѣлую и достаточную награду ея носителямъ...

Я соглашаюсь съ тѣмъ, что устроительницы Лѣсны и Вирова, докторъ Гаазъ, сестра Варвара—наиболѣе яркіе носители живой жизни, дающіе возможность обрисовать ихъ дѣятельность выразительно и наглядно, указать на нее какъ на фактъ нашей жизни, что ими не ограничивается число живыхъ людей. Можно не имѣть такихъ громкихъ дѣлъ. можно дѣйствовать въ болѣе скромной обстановкѣ и все-же жить дѣйствительною жизнью. Можно всю душу свою вложить въ скромное занятіе сельскаго учителя, сестры милосердія,—и жить такъ же полно, какъ докторъ Гаазъ, или сестра Анна... Но я настаиваю на томъ, что дѣйствительная полнота жизни въ сферѣ личнаго подвига можетъ раскрыться только на почвѣ христіанской любви. Пусть отѣнки будутъ различны и видимость будетъ разнообразна и слова будутъ звучать каждый разъ по своему, но сущность дѣла въ любви. Что меня трогаетъ, умиляетъ, восторгаетъ, тянетъ къ себѣ,—

это окрыленность любви, ея самозабвеніе, ея радость. И всѣ мы воспитаны въ такихъ чувствахъ, всѣ мы пропитаны христіанствомъ, напоены его воздухомъ, обвѣяны его дыханіемъ,—и не можемъ выйти изъ его атмосферы, не можемъ вообразить себя на лунѣ. Не о догматикѣ Макарія я говорю, не о различіяхъ православія, католичества и протестантства, не о границахъ между церковью, расколомъ и сектантствомъ, я говорю о христіанскомъ духѣ, о евангельскомъ міровоззрѣніи, которому мы учимся не изъ книгъ, которымъ насыщенъ нашъ воздухъ. Мы не можемъ представить себѣ подвига человѣческаго не въ сіяніи лучей любви... Ведеть Немировичъ-Данченко рассказы о „бодрыхъ людяхъ“. Курсистки, студенты, улица, чердакъ, полиція, дворникъ—знакомая рамка будничной жизни. Но что сіяетъ въ этой рамкѣ, это все она—любовь, Божья любовь къ ближнему. Въ этомъ гомонѣ, въ этой сутолокѣ, въ этомъ петербургскомъ туманѣ, въ этой пестротѣ полицейской улицы раздаются тихія слова, все покрывающія, все пронизывающія, одухотворяющія, осмысливающія: „Такъ разсуждать нельзя. Если на каждомъ шагу оглядываться да за шкуру дрожать, такъ лучше не жить. Вѣдь не устрицы мы на самомъ дѣлѣ... Люди—братья. Одного ударъ,—сосѣду должно быть больно. Другъ за друга, а Богъ за всѣхъ. И потомъ, кому же за правду, какъ не молодымъ? Если мы теперь приучимся молчать да терпѣть,—нечего сказать,—хороши потомъ будемъ“... Вы видите, бодрые люди это тѣ же живыя души. Это ничего, что здѣсь не видно рубища, или черной рясы Анны, или стариннаго платья доктора Гааза, что здѣсь не слышно выдержекъ изъ Златоустаго—суть дѣла одна и та же. Нашъ героизмъ—героизмъ любви, наша жизнь—жизнь любви. И внѣ ея лучей мы не можемъ представить себѣ жизни. Мы не знаемъ, чѣмъ иначе намъ наполнить ту безграничность, которая предъ нами открывается, ту свободу, въ которой мы себя чувствуемъ, тѣ громкія слова, которыхъ такъ много раздается въ нашей жизни. Взглянувъ въ эту бездну свободы, наслушавшись этихъ громкихъ словъ, одинъ изъ героевъ „Дна“ говоритъ: „Я, братъ, боюсь иногда. Понимаешь? Трушу... Потому, что же дальше?.. Все какъ во снѣ... Зачѣмъ я родился“?.. И этотъ вопросъ: „что же дальше“ подрыываетъ въ корнѣ всякую позитивно-индивидуалистическую

философію. И пока не дано отвѣта на этотъ вопросъ, пока не наполнена бездна, пока не подыскано содержаніе для высокихъ словъ, до тѣхъ поръ пошлы и противны всякое стремленіе къ свободѣ, всякій протестъ. „Иной разъ думаешь, думаешь. И вдругъ все исчезнетъ изъ тебя, точно провалится насквозь куда-то. Въ душѣ тогда, какъ въ погребѣ, темно, сыро и совсѣмъ пусто. Совсѣмъ ничего нѣтъ! Даже страшно... какъ будто ты не человѣкъ, а оврагъ бездонный“... И въ этой безпомощности предъ лицомъ внутренней бездонности люди культурные сходятся съ босяками. Овладевъ полною свободою, завоевавъ себѣ полную несвязанность социальными путями, босякъ въ недоумѣніи остановился передъ ужасающими пустотою и бездонностью. Но и культурный человѣкъ—чѣмъ онъ можетъ оправдать свои протесты, свои революціи, кромѣ поэзіи любви,—любви беззавѣтной къ народу? Дѣти, разрывающія оковы мѣщанской семьи въ погонѣ за свѣтомъ науки, супруги, сбрасывающіе съ себя тяжесть взаимныхъ обязательствъ, сестры, рвущіяся вдаль, родители, бросающіе *своихъ* дѣтей, чѣмъ они могутъ оправдать свою свободу, какъ не красотою всеобъемлющей любви? И выкиньте изъ ихъ стремленій эту нотку любви къ ближнему, отнимите у ихъ порывовъ это оправданіе,—вы увидите на другомъ концѣ то же мѣщанское счастье, отъ котораго они бѣгутъ, то же животное благополучіе, выше котораго они хотятъ стать. Мы не можемъ достаточно надивиться пошлости героя разсказа Арцыбашева „Жена“, который возсталъ противъ семейныхъ узъ ради „свободнаго кутежа“ ничѣмъ не связанныхъ людей. Мы не можемъ сочувствовать протестующимъ героинямъ новаго драматическаго очерка Е. Чирикова „Иванъ Миронычъ“, потому что чувствуемъ, что онѣ и „новую жизнь“ наполняютъ старою пошлостью въ родѣ „японскихъ ширмочекъ“...

Но помимо утилитарной пошлости, оспаривающей царство христіанской любви, есть еще врагъ этого царства, нападающій на него съ той стороны, которая кажется наиболее безопасной—со стороны религіозной. Этотъ врагъ—современныя теоретики традиціоннаго аскетизма.

На традиціонный аскетизмъ можно смотрѣть различно, и мы о немъ не говоримъ. Но современные теоретики его, о которыхъ мы и говоримъ, берутъ его въ опредѣленномъ

освѣщеніи. Они считаютъ подвигъ аскетизма высшею формою христіанской жизни, высшимъ христіанскимъ идеаломъ, и при этомъ аскетизмъ понимается въ смыслѣ, рѣшительно отличающемъ его отъ подвига христіанской любви. Въ этомъ отношеніи современный аскетизмъ говоритъ съ такою ясностью и опредѣленностью, которой можетъ позавидовать любая теорія.

Я разумѣю, преимущественно, статью въ Душ. Чт. (1902, ч. 3 стр. 194 слѣд.). „Что такое монастырь? спрашиваетъ авторъ.—На чемъ должна быть всецѣло сосредоточена мысль монаха? Исключительно на своемъ личномъ спасеніи. Вся цѣль его жизни и подвига,—очистивъ свое сердце отъ страстей, сдѣлать его обителью непрестанной Иисусовой молитвы. На вопросъ: зачѣмъ онъ убѣжалъ въ пустыню изъ міра? онъ могъ бы отвѣтить: пусть міръ забудетъ меня, пусть и я умру для него,—я безраздѣльно хочу принадлежать моему Господу“. Это—„эгоизмъ спасенія“, „святой эгоизмъ“. „Если послѣдователи Будды считаютъ необходимымъ уединеніе, какъ средство къ нравственному совершенству, то кто жъ посмѣетъ отказать въ этомъ тому, кто всѣмъ сердцемъ ищетъ Христа, кто порывается еще во плоти жить жизнью безплотныхъ“? Итакъ монашество, по мнѣнію этого писателя,—подобно буддійскому отшельничеству, есть путь къ достиженію естественнаго, физическаго совершенства—безплотности. Но христіанство тѣмъ и отлично отъ всего язычества, что язычникъ хочетъ подняться до Бога естественнымъ усовершенствованіемъ, достигнуть до Него въ экстазѣ, въ созерцаніи, въ утонченіи природы, въ *мертвой* жизни, а христіанинъ хочетъ, чтобы Богъ вселился въ него, хочетъ жить по-божьему, а какъ Богъ есть любовь, то любить по-божьему. Любить по-божьему значитъ любить безъ конца, абсолютно. И обратно—абсолютная жизнь доступна человѣку единственно въ любви. И это есть *живая* жизнь. Христіанское единеніе съ Богомъ есть единеніе любви. Христіанинъ живетъ не сумрачною стихійною жизнью, а свѣтлою богочеловѣческою жизнью.

Новая заповѣдь евангелія, положившая грань между язычествомъ и христіанствомъ, есть заповѣдь *любви*. Правда, христіанская заповѣдь о любви двухсоставная; христіанская любовь есть прежде всего любовь къ Богу—любовь къ Нему

всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ разумѣніемъ. Это первая и наибольшая заповѣдь. Заповѣдь о любви къ ближнему есть вторая и подобная ей. Нельзя пренебрегать ни одной изъ этихъ двухъ частей христіанской заповѣди. Въ томъ, что религіозная любовь есть прежде всего любовь къ Богу,—въ этомъ абсолютный характеръ христіанской любви, рѣшительно отличающій ее отъ утилитаризма, отъ соціальной этики, кторой недостаетъ полета къ небу, которая сводится къ земному благоустройству. Утилитарная этика въ томъ, чтобы люди были счастливы, чтобы общество благоденствовало, хотя бы индивидууму пришлось пострадать ради общества; напротивъ христіанство въ томъ, чтобы любящій жилъ абсолютною божественною жизнью. Утилитарная любовь это расчетъ, христіанская любовь это творчество. Въ утилитаризмъ объективный результатъ—все; въ христіанствѣ все—въ личномъ творчествѣ, по отношенію къ которому объективный результатъ есть лишь плодъ. Отнимите отъ христіанской любви ея первую часть и она также обратится въ пошлое попеченіе о человѣческомъ благоденствіи, въ мѣщанскія заботы о соціальномъ счастьѣ, въ благотворительность—частную и общественную, цѣна которой въ ариѳметической величинѣ подаванія. Однако не менѣе важна и вторая половина новой христіанской заповѣди. Сила въ томъ, что любовь къ ближнему не есть только математическое добавленіе къ любви Божіей, но образуетъ оболочку для нея, даетъ ей плоть и кровь, дѣлаетъ ее дѣйствительною, придаетъ ей значеніе *живой* силы. Если сказано, что заповѣдь о любви къ Богу есть первая и наибольшая, то сказано также: „нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“. Любить Бога, а не человѣка—это только язычество; любить по-божьему человѣка это христіанство. Въ христіанствѣ кто говоритъ, что любить Бога, но не любить ближняго, называется лжецомъ, не имѣющимъ въ себѣ *жизни* божественной.

Въ то время какъ евангельская любовь къ Богу неудержно наклоняется въ сторону любви къ ближнему, въ ней воплощается,—монашество въ любви къ ближнему видитъ ущербъ для любви къ Богу, защищаетъ свою религію отъ требованій любви къ ближнему, какъ отъ оскверненія. Въ этомъ разрывѣ евангельской заповѣди, въ этомъ непосредственномъ

устремленіи къ Богу помимо пути любви къ ближнему монашество полагаетъ личное спасеніе, святой эгоизмъ, въ этомъ оно видитъ свою специфическую особенность. Статья, о которой у насъ рѣчь, тѣмъ и примѣчательна, что она не останавливается предъ такими выводами. Авторъ признаетъ съ монашеской точки зрѣнія подвигъ любви къ ближнему лишь „исключеніемъ“ по немощи, по неспособности вынести болѣе высокій подвигъ поста и молитвы, признаетъ его лишь дѣломъ „нужды“, лишь второстепеннымъ „поддѣлемъ“, оскверняющимъ инока, отвлекающимъ его отъ главнаго, но онъ рѣшительно противъ того, чтобы сдѣлать подвигъ любви обязательнымъ для инока, онъ называетъ это „новшествомъ“. „Кто хочетъ, пишетъ авторъ съ поразительной откровенностью,—кто хочетъ подвига ухода за больными, или трудовъ въ школахъ, тотъ пусть и идетъ въ тѣ благотворительныя заведенія, гдѣ это нужно. Ему нечего дѣлать въ монастырѣ“...

Сопоставляя эти взгляды, оправдываемые практикою монастырей обычнаго типа, съ тѣми носителями христіанской любви, которые описаны выше, мы должны признать *фактъ* расхожденія въ нравственномъ сознаніи современнаго христіанства. Два идеала стали одинъ противъ другого: *идеаль молитвы*, терпящей около себя любовь какъ слабость, и *идеаль любви*, молитвенно дѣйствующей, — идеаль *умертвоя* и идеаль *жизни*, — идеаль *заживо погребенныхъ* и идеаль *живыхъ душъ*. Царство христіанской любви представляется намъ чуждымъ какихъ либо внѣшнихъ границъ, оно обнимаетъ и любящихъ церковное православіе, и аскетически настроенныхъ, и свободныхъ отъ типиконной законности, и инославныхъ, оно хочетъ быть универсальнымъ и всеобъемлющимъ.

Эта внутренняя борьба—религіозный смыслъ нашего времени. Мы должны оцѣнить ее принципиально, мы должны отнестись къ ней сознательно. Въ ней зародыши нашего развитія. Легко предвидѣть, что идеаль *умертвоя* есть пережитокъ, а идеаль *живыхъ душъ*—идеаль будущаго...

IV.

Крестовоздвиженское трудовое братство.

Названные выше христіанскіе дѣятели могутъ быть подведены подъ одинъ типъ дѣятельности—типъ лично-христіанской благотворительности, личнаго подвига. Другою формою христіанской жизнедѣятельности является христіанская ассоціація, христіанское общежитіе, религіозный союзъ. Конечно и личный христіанскій подвигъ можетъ быть поставленъ въ условія той или другой общественной организаціи, и, съ другой стороны, христіанская ассоціація во всякомъ случаѣ предполагаетъ усилія личнаго подвига по самой идеѣ христіанской жизни, не можетъ обойтись безъ содѣйствія со стороны личныхъ стремленій къ внутреннему совершенствованію, не можетъ быть поставлена внѣ цѣлей послѣдняго. Но существенная разница въ томъ, что носители личнаго христіанскаго подвига—въ видѣ ли символической системы личнаго спасенія или въ проявленіяхъ христіанской любви, живой жизни и дѣла—устремляются только въ глубину христіанской жизни, въ глубину личнаго настроенія, жаждутъ полноты религіознаго блага въ степени внутренняго проникновенія имъ, тогда какъ въ христіанской ассоціаціи главное вниманіе направлено на широту христіанскаго дѣла, на устройство по христіанскому духу всѣхъ сторонъ жизни, на полноту религіознаго блага въ мѣрѣ расширенія его на всю сферу дѣйствительной жизни. Вотъ почему, какъ прежде мы не говорили объ аскетическомъ душеспасеніи, такъ и теперь не останавливаемся на монастырскихъ общежитіяхъ: въ послѣднихъ, какъ и въ затворничествѣ, жизнь втискивается въ рамки прокрустова ложа по идеалу умертвія. Христіанское общежитіе есть общежитіе любви и труда, ассоціація живыхъ людей съ цѣлью освященія всей широты мірской жизни религіозными лучами. Вотъ почему, далѣе, особенно поучительно не столько вспоминать исторію первобытно-христіанскаго братства, которое окрашивалось вѣрою въ близкій конецъ міровой жизни, сколько наблюсти опыты христіанскаго братства въ новѣйшее время, когда въ устройствѣ религіозныхъ ассоціацій исходятъ изъ желанія религіозно освятить длительное существованіе. Эти опыты служатъ отвѣтомъ на

вопросъ, можно ли и какъ можно сдѣлать истинно-христіанскою подлинную человѣческую жизнь, не укороченную ни предположеніемъ ея скорого прекращенія, ни отрѣшенностью отъ ея наличныхъ условій. И являются такіе опыты только въ послѣднее время. Съ тѣхъ поръ какъ апостольская братская община окончательно разложилась со времени Константина, во все протяженіе среднихъ вѣковъ единственными представителями христіанскаго братства были монастыри, исторической заслуги которыхъ въ этомъ отношеніи было бы несправедливо отрицать и дѣйствительно не отрицаютъ сами устроители позднѣйшихъ трудовыхъ братствъ. „Съ той минуты,—говоритъ одинъ изъ такихъ устроителей—какъ въ первобытную христіанскую общину допущена была разлагающая закваска мірскихъ порядковъ и у нея отнята была всякая самостоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность защищать себя отъ вредныхъ элементовъ, церковь оміричилась и очень скоро стало потребностью христіанской совѣсти для людей живой вѣры обособиться отъ оміричившагося прихода, утратившаго духовную суть апостольской общины, ставшаго „міромъ симъ“. И вотъ появляются пустынножители и общежительные монастыри, которые и пронесли сквозь тѣмъу временъ до нашихъ дней великую идею трудового братства, которые и были хранителями великихъ традицій вѣка апостольскаго. Что очень затемняло пониманіе ихъ жизненнаго значенія, это то, что они были „аскетическими“ трудовыми братствами и, такимъ образомъ, отрицая земную жизнь, не могли служить нормою для нея, не могли быть признаваемы явленіемъ нормальнымъ. Если мы высвободимъ идею общежительнаго монастыря изъ - подъ покрова аскетизма, особенно дурно понятаго, самодовлѣющаго аскетизма, получится братская община и общій безкорыстный трудъ на началахъ братолюбія, получится трудовое братство“. Поэтому съ широкой церковно-исторической точки зрѣнія трудовыя братства не могутъ быть названы новшествомъ, но по условіямъ своего возникновенія въ позднѣйшее время они оказываются новымъ явленіемъ, такъ какъ они родились нынѣ не какъ естественный плодъ наличныхъ формъ церковной жизни, а какъ протестъ противъ безжизненности застывшихъ формъ, какъ плодъ новой концепціи христіанства.

Въ общинной концепціи христіанской жизни важнымъ

является то обстоятельство, что здѣсь христіанская вѣра распространяетъ свои крылья надъ всѣмъ міромъ, хочетъ обнять всѣхъ людей и расшириться надъ всѣмъ грядущимъ временемъ. Вѣдь личная дѣятельность любви, милосердія и благотворительности—все равно, является ли она предъ нами въ связи съ христіанскими идеями, или нѣтъ—не имѣетъ въ нашихъ глазахъ характера всеобъемлющей вѣры. Такою именно, сотеріологическою, была дѣятельность любви въ лицѣ Христа-Спасителя міра. Его призваніемъ не было то, чтобы дать большому числу больныхъ облегченіе, большому числу несчастныхъ утѣшеніе, но Его задачею было такъ проявить Свою любовь, чтобы рѣшить религіозную проблему всего міра, чтобы внести радикальную переимѣну въ отношенія Отца Небеснаго къ людямъ, чтобы направить иначе общую историческую жизнь. Его ученики и первые послѣдователи совершали дѣло своей любви подъ тѣмъ же угломъ мірового спасенія, „восполняли“ каждый въ свою мѣру „дѣло“ Христа. Эта концепція дѣла любви стояла въ существенной связи съ эсхатологическими ожиданіями, съ надеждами на скорое завершеніе всемірной исторіи, на измѣненіе неба и земли... Нынѣ эта связь любви съ всепобѣждающею вѣрою забыта. Это съ нашей стороны не догматическое размышленіе, а простое наблюденіе надъ современною дѣйствительностью. Мы нынѣ не видимъ дѣятелей любви, которые исходили бы изъ какихъ нибудь надеждъ на скорое преобразованіе міра, которые—лучше сказать—ставили бы осуществленіе такихъ надеждъ въ зависимость отъ своей дѣятельности. Поэтому современные дѣятели христіанской любви, не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ языческихъ челоуколюбцевъ, опредѣляются къ своей дѣятельности болѣе природною жалостью къ страданіямъ людскимъ, чѣмъ воодушевленіемъ вѣры, вызываются и даже создаются скорѣе наличными страданіями, чѣмъ грядущими идеалами, скорѣе подавляются безнадежностью людскихъ страданій, чѣмъ надѣются на спасеніе міра. Поэтому съ христіанской точки зрѣнія несомнѣнно любопытными оказываются опыты общиннаго устройства жизни, поскольку именно здѣсь мы видимъ переходъ къ реальному преобразованію міра, къ практическому осуществленію царства Божія, къ пропагандѣ самой любви между людьми, а не къ сообщенію только людямъ продуктовъ своей любви.

Современныя христіанскія общины напоминають всякому, знакомому съ церковною исторіею, первобытную христіанскую жизнь, первобытный христіанскій коммунизмъ. Однако не слѣдуетъ преувеличивать значенія послѣдняго. Нужно признать или крайнюю недостаточность свѣдѣній о немъ, или же предположить позднѣйшую идеализацію въ древнихъ повѣствованіяхъ о немъ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ нужно имѣть въ виду то немаловажное отличіе позднѣйшихъ общинъ отъ первобытной христіанской общины, что въ первые дни христіанства были живы эсхатологическія ожиданія. Еще важнѣе другое отличіе, можетъ быть естественно вытекающее изъ того,—то отличіе, что первобытное общеніе имуществъ было коммунизмомъ потребления, а не коммунизмомъ производства и труда. Христіанская семья отдавала весь свой избытокъ въ пользу общины или христіанинъ раздавалъ все свое имущество бѣднымъ — вотъ въ чемъ выражался первобытный коммунизмъ, а производство и трудъ всецѣло оставались задачей христіанской семьи, которая не измѣнила своего характера. Но очевидно, только при высокомъ энтузіазмѣ христіанъ и напряженномъ ожиданіи скорого конца было возможно, чтобы всѣ христіане, которые владѣли землями или домами, продавали свои имѣнія и всякую собственность и сносили цѣну проданнаго въ общую кассу, на которую всѣ содержались. Этотъ видъ коммунизма уничтожалъ самую возможность производства, и потому конфликтъ между трудящеюся семьею и общиннымъ потребленіемъ, постепенно усиливаясь, свелъ христіанскій коммунизмъ къ простому приходскому попеченію о бѣдныхъ, къ тепловатой благотворительности. Позднѣйшая горячая проповѣдь Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и другихъ учителей церкви не могла произвести ничего существеннаго въ этомъ отношеніи. Напротивъ новѣйшая община, въ зависимости отъ многихъ культурныхъ условій, является коопераціей труда, коммунизмомъ производства и потребления. Это создаетъ новую концепцію христіанства, ставитъ предъ нимъ новыя задачи. И намъ интересно видѣть не только то, какъ практически рѣшается эта задача, но и то, изъ какого строя представленій и понятій ея рѣшеніе исходитъ.

¹⁾ Ср. Dobschütz Die urchristlichen Gemeinden, Leipz. 1902, стр. 105--106.

Учредитель Крестовоздвиженскаго Трудового Братства, Н. Н. Неплюевъ, въ своихъ сочиненіяхъ ¹⁾ раскрываетъ съ неутомимостью и возможною полнотою тѣ основанія, которыя привели его къ новому дѣлу. Эти основанія, эти взгляды на христіанское дѣло во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія.

Читателю прежде всего внушается мысль о недостаточности съ христіанской точки зрѣнія аскетическаго подвижничества и подвиговъ личной благотворительности. При аскетическомъ пониманіи религіи, христіанство никогда не станетъ тѣмъ, что должно быть—вселенскою религіей и истинной основой жизни всего человѣчества; оно всегда останется достояніемъ рѣдкихъ исключеній, стремящихся не *жить по вѣрѣ*, а *умереть для жизни ради вѣры*. Монашество никогда не могло и не можетъ быть принято за примѣръ для подражанія именно потому, что, отказываясь отъ всѣхъ радостей жизни, оно тѣмъ самымъ какъ бы отрицаетъ возможность жить по вѣрѣ, даетъ поводъ уклоняться отъ жизни по вѣрѣ тѣмъ, которые не сочувствуютъ аскетизму и слишкомъ мало знакомы съ вѣчной истиной правды Божіей во всей ея стройности, чтобы судить современную жизнь, не теряясь въ пестромъ разнообразіи ея чрезвычайной осложненности. Даже для такого вѣрующаго человѣка, какимъ былъ нашъ гениальный Достоевскій, христіанское міровоззрѣніе и идеалъ были до того затемнены ложью жизни на-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій Н. Н. Неплюева предположено въ 6 томахъ,—изъ нихъ вышло 4 тома. Кромѣ того имѣются у меня брошюры: *Вѣра и Жизнь—публичная лекція для вѣрующихъ*, Спб. 1905, *Война или миръ? публичная лекція для невѣрующихъ*, Спб. 1904, *Жизненное значеніе трудовыхъ братствъ*, 1905, *19 февраля и крестьянская община*, 1905; *Партія мирнаго прогресса. Ея идеальныя основы и жизненная программа*, 1905; *Письмо къ духовенству*, 1905; *Письмо къ сельскому населенію*, 1905; *Краткія свѣдѣнія о православномъ Кресто-Воздвиженскомъ Братствѣ*, Черн. 1905; *Краткія свѣдѣнія о Воздвиженской школѣ*, Черн. 1904; брошюры членовъ Трудового Братства, напр. Ѳ. Е. Спаковского *Въ защиту трудового братства*, А. И. Фурсея *Имѣютъ ли основаніе говорить о Неплюевцахъ и Неплюевцахъ...* Въ виду этого обилія матеріала, охватывающаго всѣ стороны братской жизни, я въ этомъ очеркѣ стараюсь, гдѣ только возможно, говорить *собственными словами* учредителя и членовъ Братства и поставляю свою главную задачу быть точнымъ въ передачѣ ихъ мыслей и въ описаніи строя братской жизни.

шего псевдо-христіанскаго міра, что онъ въ своихъ излюбленныхъ герояхъ, каковы князь Мышкинъ и Алеша Карамазовъ, представляетъ намъ лишь жалкія пародіи на христіанъ. Единственный христіанинъ у Достоевскаго—отрекшійся отъ міра старецъ Зосима невольно наводитъ на мысль, что по его понятіямъ христіанство и аскетизмъ однозначущи и что умные люди, какъ Зосима, непремѣнно должны отречься отъ міра, а не преобразовывать міръ, что оставаться въ мірѣ, исповѣдуя Христа, могутъ только такія добросердечныя ничтожества какъ Мышкинъ и Алеша Карамазовъ, которые умѣютъ только все *переносить* похристіански, а когда коснется до активнаго отношенія къ жизни, не понимаютъ даже и того, что дѣлу Бога Разумнаго и служить необходимо разумно, что крестъ—безуміе лишь для враговъ Христа, для Его же послѣдователей необходимо такъ много разума для того, чтобы разумно принять на себя крестъ и разумно нести его въ жизни, сколько никогда не потребуется на всякое другое менѣе разумное дѣло... Основатель Крестовоздвиженскаго Братства не отрицаетъ значенія аскетизма; онъ вооружается противъ матеріалистическаго поработенія плотью духа. Онъ не противъ аскетизма, какъ средства духовной жизни, какъ пути къ свободѣ христіанскаго дѣла; но онъ противъ односторонняго аскетизма. Признавая аскетизмъ обязательнымъ для всякаго истиннаго христіанина, онъ считаетъ въ то же время дурно понятый аскетизмъ за громадное зло, за одинъ изъ главныхъ тормазовъ на пути христіанскаго прогресса, на пути осуществленія христіанства въ жизни. Аскетизмъ дурно понять, когда изъ средства становится самодовлѣющею цѣлью. Онъ дурно понять, когда изъ активнаго становится пассивнымъ, изъ свободнаго изволенія духа становится рабскою покорностью, когда изъ характернаго для данной личности становится шаблоннымъ и, особенно, когда изъ упорядочивающаго душу становится душу изсушающимъ, мертвящимъ. Не воздержаніе, не жертва, не скорби аскетическихъ подвиговъ богоугодны, — богоугодна любовь. Аскетизмъ долженъ приводить къ любви. Если же плодомъ аскетизма не является любовь, то онъ не имѣетъ цѣны въ очахъ Бога — Любви, — болѣе того, онъ является оскорбленіемъ Бога и грубымъ кощунствомъ, настоящимъ идолопоклонствомъ, обличая полное непониманіе Того, въ

Кого вѣрують. Жестокій Богъ, для Котораго всякая радость—оскорбленіе и только страданія и жертвы пріятны,—не имѣетъ ничего общаго съ Богомъ—Любовью. Это обращеніе аскета изъ христіанина въ язычника неизбежно, какъ только, увлекшись подвигами аскетизма, онъ забываетъ главную цѣль, не алчетъ и не жаждетъ правды любви...

Но недостаточна и личная благотворительность, которая составляетъ одно изъ самыхъ затемненныхъ явленій современной жизни. Одни совѣмъ успокаиваютъ на ней свою, по временамъ пробуждающуюся, совѣсть; другіе восторгаются ею, какъ однимъ изъ самыхъ изящныхъ проявленій цивилизаціи; третьи спорятъ о преимуществѣ того или другого вида ея, большинство подрываетъ къ ней всякое уваженіе и довѣріе, дѣлая изъ нея заурядное свѣтское развлеченіе, модную игрушку, одинъ изъ видовъ спорта для убиванія времени. Особенно повинны въ послѣднемъ свѣтскія женщины, которыя, внося и въ это дѣло свою легкомысленную суетливость, свою страсть къ тщеславной выставкѣ нарядовъ, свое грубо-самоувѣренное, зазывающее кокетство, слишкомъ часто представляютъ изъ себя не величественный образъ скромной, любвеобильной христіанки, а пошлый типъ разбитной, шансонеточной пѣвицы, ряженой въ костюмъ доброй феи. Конечно не всякая благотворительность имѣетъ такой балаганный видъ, но и самая искренняя безсистемная благотворительность, основанная на чувствѣ сердечнаго участія, живой жалости—только палліативъ, не подготовляющій лучшаго будущаго, не организующій жизнь на началахъ добра и любви,—напротивъ, часто вредный, такъ какъ усыпляетъ совѣсть, покрываетъ грязь и безобразіе жизни цвѣтами совѣмъ неестественными, несоотвѣтствующими основамъ этой жизни. Это ребяческое отношеніе къ дѣлу любви, при которомъ любовь всегда останется украшеніемъ жизни, а не станетъ ея основою. Это настоящее вливаніе вина новаго въ мѣхи ветхіе. Конечно, отсюда не слѣдуетъ, что не надо накормить голоднаго, одѣть нагого или облегчить страданія больного. Все это дѣла живой любви. Не надо только успокаиваться на той малой степени любви, при которой довольствуются безсистемной помощью тѣмъ немногимъ, которыхъ видятъ, и тѣмъ немногимъ страданіямъ, которыя непосредственно бьютъ по нервамъ нашимъ, ничего не дѣлая

для предупрежденія безвинныхъ страданій, которыя, будучи не менѣе реальными и жестокими, менѣе бьютъ по нашимъ нервамъ. Человѣчество такъ много вѣковъ живетъ на основахъ страха и корысти, что зло является рутиною, а добро—исключеніемъ. Плоды зла неисчислимы. Цѣлая жизнь, самыя большія состоянія—ничто въ дѣлѣ вычерпыванія этого моря зла и скорби. Самая широкая благотворительность въ этомъ направленіи—наивная сантиментальность и близорукая утопія. Безсистемно благотворить—значить, плавая на спасательномъ поясѣ богатства по бездонной пучинѣ горя страданій, вытаскивать изъ воды утопающихъ не для того, чтобы поставить ихъ на берегъ, а для того, чтобы, давъ имъ немного подышать, вновь погружать въ ту же бездну, въ которой они раньше захлебывались. Надо дорасти до той степени любви, при которой становится насущной потребностью любящаго сердца не ограничиваться утѣшеніемъ людей, измученныхъ злобою, а является потребностью разумной любви организовать жизнь на началахъ добра, оградить миллионы людей отъ возможности безвинныхъ страданій. Надо быть исключительно жестокосерднымъ человѣкомъ, чтобы не пожалѣть изнуреннаго голодомъ, или дрожащаго отъ холода, или покрытаго гнойными ранами. Видъ этихъ страданій возмущаетъ покой души нашей. Накормить, одѣть, вылѣчить при такихъ обстоятельствахъ является вопросомъ приличія, благочинія, собственнаго комфорта. Степень любви, способная стать основою жизни, начинается только съ того момента, когда любовь наша перестаетъ быть капризомъ, когда она становится нормальнымъ отношеніемъ нашимъ ко всему міру, естественнымъ состояніемъ души нашей. Только тогда мы не проглядимъ лѣса изъ-за деревьевъ, не забудемъ обязанности любви ко всему человѣчеству изъ-за прихоти любви или жалости къ отдѣльнымъ людямъ, не забудемъ страданій ума и сердца изъ-за болѣе бьющихъ по нашимъ нервамъ страданій физическихъ, поймемъ необходимость идти разумными путями къ цѣлямъ, намѣченнымъ любовью. Накормите голоднаго, но не забывайте, что вы этимъ ничего не сдѣлали для того, чтобы не было безвинно голодныхъ, и пусть то малое дѣло любви, которое вы сдѣлали, не успокаиваетъ совѣсть вашу, не заслоняетъ отъ васъ того великаго дѣла любви, которое вы можете и, слѣдовательно, должны

сдѣлать. Если, дѣлая великое дѣло любви, вы отъ него отвлекаетесь на дѣланіе малыхъ дѣлъ потому, что видѣ частныхъ страданій такъ сильно бьетъ по нервамъ вашимъ, что капризъ жалости къ одному заставляетъ васъ забыть разумное дѣло жалости ко всему человѣчеству, не обманывайте себя, сознайтесь, что вы отняли у великаго дѣла любви ко многимъ, страданій которыхъ вы не видите, то, что отдали на прекращеніе страданія, случайно попавшаго вамъ на глаза...

Эти слова буквально и безъ запинки повторить вамъ любовью изъ членовъ Крестовоздвиженскаго Братства, если вы заговорите съ ними по вопросу о личной благотворительности и организаціи любви въ братство. Можно догадываться, что это для нихъ большой вопросъ, что съ этой стороны имъ чаще всего приходится встрѣчать возраженія. Крестовоздвиженское Братство—это оазисъ среди окружающаго его міра, оно сознательно хочетъ быть такимъ оазисомъ. До какой степени оно является изолированнымъ въ средѣ обнимающей его жизни, это видно изъ того, что за богослуженіемъ въ Крестовоздвиженской церкви мы не видали никого изъ постороннихъ братству—не только изъ сосѣднихъ деревень, но и когонибудь изъ той же многолюдной Воздвиженской экономіи, въ которой пріютилось братство. Даже храмъ братскій видитъ только братчиковъ. И всякое благодѣяніе здѣсь обставлено условіемъ поступленія въ братство. Достойнаго въ братство примутъ, но на стоящихъ внѣ братства принципиально не расходуются его имущество. И этимъ принципомъ для братства служить изложенный взглядъ на личную, безсистемную благотворительность. Я не буду теперь разсматривать этого взгляда критически, такъ какъ вообще въ этихъ очеркахъ прежде и болѣе всего стараюсь быть объективнымъ повѣствователемъ. Но не могу не замѣтить, что этотъ взглядъ недостаточно полно раскрытъ. При внимательномъ изученіи сочиненій Н. Н. Неплюева, я не нашелъ въ нихъ ни одной строки, ни одного слова по слѣдующимъ двумъ пунктамъ. Во-первыхъ. Личная благотворительность почему-то представляется у него преимущественно легкомысленною. Вѣдь противъ благотворительныхъ вечеровъ съ танцами и выставкою не однихъ нарядовъ можно возставать не съ точки зрѣнія лишь органи-

зованнаго братства,—и, стало быть, что же говорить о таких искаженіяхъ. Это пріемъ дурной полемики,—дурной апологетики. Отъ слабости противника еще далеко до нашей собственной силы. Въдѣ субъективно, по расходуемой энергіи, по внутренней полнотѣ духа, личная благотворительность не есть непременно малая степень любви по сравненію съ организаціей братства,—вспомнимъ доктора Гааза. Напротивъ и въ условіяхъ организаціи труда все-же вмѣстилищемъ любви можетъ быть лишь личность, т. е. и самая организація можетъ быть разсматриваема какъ личная благотворительность, иначе это будетъ лишь форма безъ внутренняго духа, въ нее вложеннаго и ее освящающаго. Въ томъ и состоитъ богословскій вопросъ значительной важности, варажается ли и въ организаціи братства та же христіанская абсолютность, которая несомнѣнно можетъ выражаться въ личной благотворительности. Конечно, съ точки зрѣнія трудового братства остается возможность отвѣтить указаніемъ на недостаточность личной благотворительности, въ самыхъ высшихъ ея представителяхъ, для борьбы съ неисчислимыми плодами зла. Но въдѣ нужно же считаться съ тѣмъ, что и братство недостаточно для огражденія миллионовъ людей отъ возможности безвинныхъ страданій. Братство есть только оазисъ, оно рѣшаетъ вопросъ общежитія, но не рѣшаетъ вопроса общественнаго устройства. Если личная благотворительность не можетъ объять всѣхъ несчастныхъ, то въдѣ братство принципиально не хочетъ знать всѣхъ тѣхъ страдальцевъ, которые находятся внѣ его границъ. И здѣсь мы переходимъ къ другому пункту. Мы видѣли тѣ разсужденія, силою которыхъ читатель возводится отъ личной благотворительности къ признанію болѣе высокаго значенія братской организаціи. Примемъ силу этихъ разсужденій, но при этомъ переходѣ можемъ ли остановиться на ступени братства и не должны ли мы дойти до дѣятельности, направленной на устроеніе всего общества, а не одного только братскаго оазиса? Въдѣ только эта дѣятельность направляется именно къ тому, чтобы не было совсѣмъ безвинно голодныхъ—во всемъ обществѣ, во всемъ человѣчествѣ. Впрочемъ къ этому пункту мы вернемся ниже.

Кромѣ критики односторонняго аскетизма и безсистемной благотворительности, отрицательною основою идеи трудового

братства служить „критика зла“ всей валичной жизни нашей, мнимо христіанской—государства, науки, литературы, искусства, экономического строя общества... Не пойдемъ за авторомъ по всѣмъ тропамъ его критики, которая повсюду приходитъ къ одному отрицательному результату,—къ признанію, что наша жизнь по всѣмъ сторонамъ своимъ не имѣетъ христіанскаго характера. Не будемъ останавливаться и на томъ тяжеломъ положеніи, которое занимаетъ въ современномъ антихристіанскомъ экономическомъ стрѣ общества рабочій классъ, вообще, и земледѣльческій, въ частности, такъ какъ, съ одной стороны, мы не можемъ признать цѣлью „братствъ“ измѣнять экономическія условія общественной жизни, а съ другой стороны—должны признать право критики современныхъ экономическихъ отношеній не во имя только идеи братства. Современный экономическій строй находитъ себѣ строгихъ судей и въ средѣ представителей личнаго христіанскаго совершенства и со стороны тѣхъ, которые стремятся къ переустройству всего общества. Я хочу этимъ сказать, что какъ ни прекрасны многочисленныя страницы въ сочиненіяхъ Н. Н. Неплюева, на которыхъ живописуются печальные результаты и несчастныя жертвы капиталистическаго строя, онѣ были бы характерными для идеи трудового братства лишь въ томъ случаѣ, если бы единственнымъ логическимъ выходомъ изъ экономическихъ затрудненій настоящаго времени была идея братства. Я выбираю изъ этихъ страницъ лишь тѣ, которыя характерны для идеи трудового братства, логически приводятъ къ этому единственному выводу—и это именно тѣ, которыя говорятъ о грустномъ положеніи среди современнаго общества немногихъ лучшихъ тружениковъ. По наблюденію Н. Н. Неплюева, громадное, подавляющее большинство простого народа живой вѣры не имѣетъ, самыхъ основныхъ христіанскихъ истинъ не знаетъ, самыхъ основныхъ христіанскихъ добродѣтелей не понимаетъ, своею участію глубоко недовольно, властей боится, богатымъ завидуетъ, часто унываетъ и съ каждымъ днемъ все болѣе озлобляется. Только въ видѣ рѣдкихъ исключеній являются среди него люди Божіи, вѣрующіе живою вѣрою. Какъ же имъ живется—этимъ рѣдкимъ исключеніямъ? Такой человекъ не будетъ тяготиться работою и тѣмъ, что удовлетворяетъ только насущныя

потребности, но мученичества онъ не избѣжитъ: капиталистическій строй жизни воздвигаетъ на каждомъ шагу его пути такія изысканныя орудія пытки и ловушки, что вся его жизнь будетъ непрерывной серіей нравственныхъ страданій, среди которыхъ для него поддержкой и отрадой будетъ звучать пророческое слово Того, Который все зналъ и предвидѣлъ, говоря: „блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески несправедливо злословить за Меня“. Если этотъ человѣкъ Божій дѣйствительно сталъ врагомъ міра, чтобы быть другомъ Бога, раньше, нежели избралъ себѣ подругу жизни, повѣрьте, онъ рѣдко найдетъ такую дѣвушку, которую онъ могъ бы полюбить и сдѣлать своею женою, не чувствуя всѣмъ существомъ своимъ, что измѣняетъ тѣмъ и Богу и Христу; всего чаще онъ, лучше другихъ понимающій любовь и болѣе нуждающійся любить и быть любимымъ, будетъ, помимо воли, обреченъ на пожизненную каторгу холодного одиночества. Онъ рѣдко найдетъ отвѣтную любовь даже въ формѣ искренняго и прочнаго сочувствія... Если, напротивъ, онъ сталъ сознательнымъ христіаниномъ послѣ брака, имѣя жену и дѣтей, его положеніе можетъ быть много хуже холодного одиночества; жить въ постоянномъ общеніи съ существами совершенно чуждыми по духу, любить ихъ и сознавать, что каждое слово и каждый шагъ ихъ находится въ непримиримомъ разладѣ съ собственными убѣжденіями и симпатіями, что каждое собственное слово для нихъ смѣшное чудачество, что каждый собственный поступокъ для нихъ глупая непрактичность, однимъ словомъ, быть другомъ Бога и жить съ тѣми, кто хочетъ оставаться другомъ міра, живя по обычаю міра сего, это ежечасное мученіе, способное превратить всю жизнь въ одну сплошную пытку. Даже въ лучшемъ случаѣ, когда и жена раздѣляетъ его образъ мыслей, когда и она вѣритъ живую вѣрою и хочетъ жить по вѣрѣ, когда эта христіанская чета, эта малая церковь Христова, глубоко понимаетъ свои родительскія обязанности и смотритъ на дѣтей, какъ на драгоценный залогъ, ввѣренный Богомъ и за который придется дать отвѣтъ, какой непрестанный страхъ, сколько ревнивыхъ страданій для бѣднаго человѣка сознавать тлетворность окружающей нравственной атмосферы, безконечное разнообразіе лукавыхъ искушеній окружающей среды и

не быть въ состояніи оградить отъ нихъ дѣтей своихъ... Посмотримъ теперь на экономическое положеніе труженика-христіанина. Проповѣдники фикціи капиталистической идилліи думаютъ, что труженику-христіанину нужны только трудолюбіе и бережливость, чтобы, оставаясь добрымъ христіаниномъ и идеально честнымъ человѣкомъ, не только безбѣдно прожить, но и деньги скопить. Пустыя слова. Трудолюбіе предполагаетъ любовь къ полезному труду, способность охотно и бодро пріобрѣтать хлѣбъ насущный, но трудолюбіе не предполагаетъ непременно эгоистичный трудъ на свою собственную пользу. Трудолюбивый христіанинъ любитъ трудъ, болѣе полезный для многихъ ближнихъ, а не болѣе выгодный, напротивъ, для выгоды необходимо заниматься трудомъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ производительнымъ, и тѣмъ самымъ отнимать насущный хлѣбъ у другихъ. При современномъ экономическомъ строѣ христіанинъ не выдержитъ конкуренціи и не заработаетъ лишней копѣйки. Наконецъ, чтобы понять, на сколько невозможно при настоящемъ строѣ жизни трудолюбивому христіанину отложить копѣйку на черный день, намъ достаточно вспомнить, какая вопіющая нужда его окружаетъ, до какой степени эта нужда у него на виду, постоянно передъ глазами, назойливо вымогая его сочувствіе и жалость, до какой степени эта нужда ему понятна и знакома. Бѣдный человѣкъ не можетъ купить себѣ дорогую роскошь обособленности отъ окружающей нужды и страданія ближнихъ.

Вотъ для такихъ честныхъ тружениковъ и неизбежно братство. Въ матеріальномъ отношеніи братство гарантировало бы своихъ сочленовъ, ихъ вдовъ и сиротъ отъ нищеты, слишкомъ часто постигающей людей неповинныхъ. Пожаръ, падежъ скота, болѣзнь, неурожай, дурное поведеніе главы семьи, подвохъ лихого человѣка—всѣ эти бѣдствія, способныя въ конецъ разорить одинокую, предоставленную самой себѣ среди ожесточенной борьбы за существованіе, крестьянскую семью, не имѣли бы въ братствѣ столь роковыхъ послѣдствій. Братство, отчисляя ежегодно извѣстный процентъ чистаго дохода въ основной капиталъ, могло бы постепенно скопить сумму, достаточную для того, чтобы по временамъ прикупать новыя земли и тѣмъ обезпечивать нормальный приростъ своего населенія. Заболѣвшій братъ пользовался

бы уходомъ и вся семья его содержаніемъ на общій братскій счетъ, а по смерти—его вдова и дѣти пользовались бы покровительствомъ и матеріальною поддержкою братства до тѣхъ поръ, пока пожелаютъ жить въ братствѣ, подчиняясь его уставу и строю братской жизни. Дѣти не составляли бы обузы, часто невыносимой, и приростъ не задерживался бы искусственными средствами. Такимъ образомъ хлѣбъ насущный былъ бы обезпеченъ, не представляя однако такой приманки, ради которой согласились бы поступать въ братство корыстные люди. Въ умственномъ отношеніи братство доставило бы возможность развиваться въ общеніи съ людьми болѣе образованными, удѣлять часы досуга на общее чтеніе и бесѣды, завести общую бібліотеку; давать дѣтямъ христіанское образованіе въ христіанской школѣ, приглашать на общій счетъ ученыхъ специалистовъ, агрономовъ и техникувъ руководителями работъ на поляхъ и заводахъ, принадлежащихъ братству, или давать средства получить специальное образованіе собственнымъ дѣтямъ, если братство того пожелаетъ. Въ нравственномъ отношеніи братство обезпечить возможность честнаго согласованія всего строя жизни съ вѣрою среди единомыслія и единокровія братскаго общенія съ тѣми, кто искренно желаетъ быть не на словахъ только, но и на дѣлѣ вѣрными чадами Единого Отца Небеснаго, обезпечить возможность дышать живительною атмосферою христіанскаго настроенія всего окружающаго общества, обезпечить и неоцѣнимое сокровище спокойной радости духа, оградивъ его отъ хаоса жизненной биржи, оградивъ его, жену и дѣтей отъ тлетворнаго общенія съ тѣми, чье каждое слово и каждый шагъ есть отреченіе отъ Бога и измѣна Христу Его.

Итакъ, братство предоставляется панацеей отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, въ которыхъ невольно оказывается каждый труженикъ-христіанинъ, предоставленный самому себѣ. Замѣчу кстати, что по мнѣнію Н. Н. Неплюева, и для христіанина-землевладѣльца учрежденіе братства въ предѣлахъ его имѣнія представляетъ не менѣе насущную потребность, если онъ не хочетъ превратиться изъ христіанина въ дѣльца или обречь себя на пожизненную каторгу горемычной овцы, терзаемой волками, которымъ онъ же платитъ жалованье. Единственный, будто, выходъ изъ этого невыносимаго положенія

для всякаго христіанина-землевладѣльца положить всѣ силы духовныя и матеріальныя на организацію трудового братства, и братству этому отдать всѣ свои земли и заводы въ аренду.

Дается и положительное обоснованіе идеи братства. Раскрывается цѣлая богословская система. Главная мысль этой системы—и можетъ быть единственная, тѣсно связанная съ идеею братства, при чемъ несомнѣнно, что система эта можетъ претендовать на значеніе лишь въ качествѣ введенія въ ученіе о братствѣ—главная есть мысль о первенствующемъ значеніи любви. Восторженные гимны любви. Любовь всегда святыня и все собою освящаетъ, все очищаетъ до святости. Любовь остается святынею при всякихъ обстоятельствахъ. Она не меньшая святыня и въ сердцѣ атеиста, и въ сердцѣ разбойника, и въ сердцѣ блудника. Грѣховно ихъ злое равнодушіе къ Богу и всему остальному его творенію, такъ грѣховно, что въ этой мрачной пучинѣ тонетъ святая капля ихъ исключительной любви, но капля эта остается сама по себѣ не менѣе святою и дѣлаетъ святынею все, что сдѣлано въ духѣ этой искренней любви. Вотъ почему лучше, чище, святѣе атеистъ, разбойникъ и блудникъ, имѣющіе эту каплю святыни въ сердцѣ, нежели самодовольный фарисей, лишенный ея. Безконечно чище, святѣе, болѣе родственны по духу Богу и всѣмъ причастникамъ великаго братства ангеловъ и святыхъ на небѣ тѣ представители живой любви, которые обзываются атеистами, разбойниками и блудниками, нежели тѣ гробы повапленные, которые подъ буквою вѣры, благочестія, законности и строгой нравственности скрываютъ гордое, холодное и злое сердце. „Богъ есть любовь“. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Именно въ томъ и главное отличіе божественнаго отъ бѣсовскаго, что гдѣ любовь—тамъ и Богъ, гдѣ злоба, насиліе и холодное равнодушіе—тамъ грѣхъ и адъ, тамъ бѣсъ. И бѣсы вѣрують и трепещутъ, но не любятъ. Все доступно бѣсамъ, кромѣ любви. пока они остаются бѣсами. Бѣсъ, который полюбитъ, станетъ ангеломъ.

Это воззрѣніе на любовь утверждается на опытѣ личной жизни. Я, говоритъ о себѣ Н. Н. Неплюевъ, съ ранняго дѣтства носилъ глубоко въ сердцѣ религію любви и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ фанатикомъ любви. Тамъ, гдѣ не чув-

ствовалось любви, я болѣлъ отъ скуки, замерзалъ отъ духовной стужи. Въ этомъ отношеніи я былъ болѣзненно чутокъ. Не только присутствіе человѣка грубо-недоброжелательнаго, но даже присутствіе человѣка равнодушнаго, холоднаго доставляло мнѣ тяжелое, иногда почти невыносимое страданіе,—мною овладѣвалъ параличъ, мучительный какъ смерть. И природу я мало любилъ, и она казалась мнѣ равнодушною, холодною, и она леденила мое сердце до тѣхъ поръ, пока я не понялъ ее, какъ отраженіе мысли и любви, пока не разобралъ на ней печать высшаго разума и высшей любви. Только проявленія любви утѣшали меня, озаряли душу мою тихимъ свѣтомъ, согрѣвали нѣжною ласкою, были чѣмъ-то мнѣ роднымъ, дающимъ смыслъ бытію. Такъ воспринималъ я впечатлѣнія внѣшняго міра, такъ относился я и къ тому, что происходило въ тайникѣ собственной души моей. Любить было для меня такою потребностью, что все остальное казалось мнѣ скучнымъ, пошлымъ, мелкимъ, низкимъ, холоднымъ, черствымъ, жестокимъ... Эта постоянная жажда любви, эта неспособность удовлетворяться чѣмъ либо, кромѣ любви, это ежеминутное ощущеніе глубокаго разлада между природою души и явленіями земной жизни, были главною причиною инстинкта живой вѣры моего дѣтства... Конечно, до того, какъ эта дѣтская вѣра перешла въ сознательную опредѣленную православную вѣру въ Бога-Любовь и первенствующее значеніе любви, протянулся длинный путь тяжелыхъ нравственныхъ страданій и горькихъ разочарованій...

Любовь имѣетъ первенствующее значеніе въ жизни христіанина. Но мало сказать это. Необходима логика любви—стройное міровоззрѣніе, освѣщенное лучами любви, необходима дисциплина любви, которая могла бы сдѣлать любовь торжествующею, необходимо дѣло организаціи добра въ жизни. Это дѣло все болѣе и болѣе необходимое для блага всѣхъ церквей, всѣхъ государствъ, всѣхъ народовъ. Человѣчество слишкомъ умственно развилось для того, чтобы возможно было съ прежнею наивною и недомыслиемъ относиться къ вѣрѣ и жизни. Для народовъ необходимъ опредѣленный идеаль и опредѣленная программа непрестаннаго прогресса въ направленіи къ этому идеалу. Народамъ надоѣло безсрочно толочься на одномъ мѣстѣ, не понимая,

гдѣ они и куда ихъ ведутъ. И церковь, пока она не организуешь добро въ жизни, пока она не предлагаетъ вѣрующимъ никакой опредѣленной программы, не можетъ имѣть на жизнь никакого опредѣленнаго вліянія и тѣмъ самымъ утрачиваетъ всякое жизненное значеніе. Именно это и констатируютъ невѣрующіе, называя такую вѣру абсурдомъ, устарѣлой утопіей, годной развѣ для утѣшенія больныхъ и слабоумныхъ людей, а вѣрующихъ такую вѣрою—фарисеями, лицемерами и идиотизированными ханжами. Поставить высоко знамя вѣры, доказать, что она и теперь живою свѣточъ, способный удовлетворить умы и сердце, доказать, что вѣра заключаетъ въ себѣ и самую разумную программу упорядоченія жизни, организацію добра—вотъ священная обязанность церкви. И для всякаго государства—это залогъ мирнаго развитія и единенія въ братолюбіи всѣхъ классовъ общества.

Организація добра въ жизни сводится главнымъ образомъ къ нравственному воспитанію и къ организаціи труда.

Чтобы быть нравственнымъ, недостаточно однихъ убѣжденій, одной вѣры, — нужна выправка души, воспитаніе съ дѣтства. Невозможно достигъ благопріятныхъ результатовъ, смѣшивая дѣло воспитанія съ дѣломъ дрессировки, корыстную дисциплину съ дисциплиною добровольною, устрашающія наказанія и подкупъ наградъ съ безкорыстіемъ любви и нравственнымъ вліаніемъ. Воспитаніе умственное и физическое должно быть приведено въ стройную гармонію съ воспитаніемъ нравственнымъ, составить съ нимъ одно цѣлое, дисциплинируя и улучшая разумъ, тѣло и волю. Невозможно воспитать волю, ограничиваясь проповѣдью нравственности и благими совѣтами. Необходимо, чтобы добро было строго организовано въ жизни дѣтей, на лонѣ школы, такъ, чтобы дѣти немедленно могли прилагать на практикѣ даваемые имъ совѣты. Такъ, проповѣдуя дѣтямъ, вселенскую любовь, логику и дисциплину любви, необходимо, чтобы воспитатели во всемъ этомъ показывали имъ добрый примѣръ, чтобы внутренняя жизнь школы и всѣ отношенія въ ней были стройно организованы на этихъ началахъ, чтобы воспитанники приучались имъ быть вѣрными въ мелочахъ повседневной жизни и имѣли практику истинно-братскихъ отношеній. Только при этихъ обстоятельствахъ они могутъ

постепенно доходить до высоты нравственнаго преображенія, при которой логика торжествующей любви и дисциплина воли становятся естественными для тѣхъ, которые раньше находили злобу, безразличіе и разнузданность. Первая ступень стройной организации добра въ жизни школы состоитъ въ организованномъ союзѣ между всѣми дѣтьми доброй воли, составляющими братскій кружокъ, что можетъ создать здоровую нравственную атмосферу и облегчить возможность взаимопомощи въ дѣлѣ нравственнаго самоусовершенствованія. Вторая ступень—старшій братскій кружокъ, объединяющій всѣ лучшія нравственныя силы школы на дѣло систематическаго нравственнаго воздѣйствія на младшихъ лѣтами и духомъ товарищей. Наказаніе и награды должны быть замѣнены еженедѣльными собраніями, подводщими итоги нравственной жизни школы, долженствующей имѣть характеръ единоклубной, тѣсно сплоченной семьи.

Наряду съ воспитаніемъ долженъ быть организованъ трудъ. Онъ долженъ быть строго организованъ на началѣ братолубія, безъ чего въ экономической области неизбѣжны—грубая борьба или разорительный и постыдный вооруженный миръ, которые неизбѣжно приведутъ къ разъединенію и озлобленію, сдѣлаютъ безплодными и смѣхотворными всѣ попытки, болѣе сантиментальныя, нежели разумныя, исправить зло, съ одной стороны—проповѣдью мира и единенія, съ другой—безпорядочной благотворительностью. Вопросъ не въ томъ, чтобы найти работу для тѣхъ, которые въ ней нуждаются, не въ томъ, чтобы поднять заработную плату тѣхъ, у кого работа есть. Все это входитъ въ разрядъ благотворительности и улучшаетъ положеніе отдѣльных лицъ и семей, не измѣняя характера общаго положенія дѣла, не предупреждая возможности, даже необходимости конкуренціи, борьбы, разъединенія и озлобленія. До тѣхъ поръ, пока работа самая тяжелая и непріятная будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и наименѣе выгодною и почетною, борьба за положенія почетныя, выгодныя и пріятныя будетъ неизбѣжна. Необходимо, чтобы самый характеръ работы совершенно измѣнился, чтобы работа перестала быть средствомъ наживы и карьеры, что глубоко безнравственно и приводитъ неизбѣжно къ ожесточенной борьбѣ со всѣми тѣми, кто одновременно желаетъ наживаться и дѣлать свою карьеру, приводитъ общество къ

обману вооруженнаго мира между конкурентами. Необходимо, чтобы трудъ сталъ насущною потребностью любви, актомъ братскаго геройства, совершенно свободнымъ отъ всякаго характера продажности и корысти. Надо, чтобы всѣ роды труда давали одинаковыя права на совместно вырабатываемыя цѣнности и чтобы трудъ самый тяжелый и непріятный вознаграждался общественнымъ мнѣніемъ, особою общественною благодарностью и уваженіемъ, когда онъ совершается въ духѣ самоотверженія, смиренія и любви. Необходимо трудовая община, стройно организованная на истинно братскихъ началахъ, для того, чтобы трудъ находился въ этихъ условіяхъ. Только трудовая братская община и представляетъ истинное разрѣшеніе соціальной задачи, можетъ стройно организовать жизнь, отношенія и всѣ роды труда на основѣ мира, любви и единенія. Между богатыми людьми, всѣ люди доброй воли должны понять нравственное преимущество этого мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса...

Формою, осуществляющею эти идеи мирнаго труда и прогресса, является братство, преслѣдующее три цѣли: 1) воспитывать дѣтей къ сознанию первенствующаго значенія любви и къ добрымъ привычкамъ устойчиваго торжествующаго братолюбія; 2) стройно организовать всю жизнь, всѣ отношенія и всѣ роды труда на началахъ братолюбія, и 3) по возможности и внѣ братства поддерживать явленія жизни, родственныя первымъ двумъ цѣлямъ.

Такимъ братствомъ и хочетъ быть Крестовоздвиженское Трудовое Братство—въ хуторѣ Воздвиженскѣ Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи, въ 20 верстахъ отъ г. Глухова и въ 6 верстахъ отъ ст. Горѣлые Хутора М.-К.-Ворон. ж. д. Уставъ Братства утвержденъ 23 декабря 1893 года.

Не буду касаться поучительной во многихъ отношеніяхъ исторіи Братства. Опишу его современно состояніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Таръевъ.